

рашиваемые создавали такие встречные метафоры:

- *разбитое счастье* рухнувший замок надежд и мечтаний, уроки жизни, неудавшаяся любовь, ускользнувшее счастье;

- *облако печали* плач души, ком печали, нашедшая печаль, аура человека, жизнь которого не удалась и он, идя, несет за собой это облако, и из него (облака) иногда выпадают печальные осадки на окружающих.

Перечисленные шаги восприятия являются самодостаточными, каждый индивид «выбирает» свой уровень понимания метафорического выражения. Стадия 1 квалифицируется как языковая некомпетентность, стадии 2-3 свидетельствуют о недостаточном развитии языковой, когнитивной, культурной компетенции, стадии 4-6 о средних способностях, 7, высшая, стадия, — о развитости у реципиента творческих интенций. Следовательно, по оригинальности, новизне, нестандартности реакций можно судить о мере креативности аудитории. Экспериментальная группа характеризуется разнородностью показателей: 15,1% первая стадия (отказ, заведомо неверное понимание); 18,6 % творческое понимание.

III. При условии представленности каждой стадии в процессе восприятия метафоры происходит трехкратное движение от общего к индивидуальному смыслу. Первоначально субъект отталкивается от конвенционального (узнавание известных слов, использование лексических средств метафоры для ее объяснения) и через актуализацию лично значимых визуальных форм и ощущений приходит к индивидуальному («я-проекция», схватывание ядра значения). Затем, вновь используя конвенциональную систему языковых знаков, реципиент пыта-

ется «перевести» интуитивно уловленное содержание на язык категорий (вербализация, соотнесение с имеющимися в тезаурусе языковыми клише). На последнем этапе снова актуализируются личностные смыслы в процессе диалога с «создателем» метафоры.

Таким образом, предпонимание, культурное и творческое понимание метафоры составляют три ступени индивидуализации ее восприятия, интериоризации смысла. Индивидуальное, «личностное знание» (термин М. Полани), рождается в соотнесении с конвенциональным и общекультурным. «Истолкование метафор несет на себе отпечаток и творца, и интерпретатора» (Дэвидсон, 1990. С. 173).

Библиографический список

1. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
2. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 358-386.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
4. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 173-193.
5. Пищальникова В.А. Психопоэтика / В.А. Пищальникова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999.
6. Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ / В.К. Нишанов. Фрунзе: Илим, 1990.

УДК 1:330.82

А.О. Кураптев

КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Приобретение Россией статуса суверенного государства после распада Советского Союза обозначило начало нового этапа российской истории. Изменения, происшедшие в течение «переходного периода», обозначили ряд проблем, нуждающихся в

последовательном разрешении. В самом общем виде их можно объединить в блоки: национальный вопрос, экономический кризис, внутривнутриполитический кризис, геополитические проблемы и т.д.

Все эти вставшие перед российским обществом проблемы, на наш взгляд, имеют общие истоки в кризисе национальной идеологии и духовности, в потере российским обществом (как целостной социальной системой) традиционных ценностных ориентиров и общенациональных целей. Между тем развитие общества немислимо без согласия по общим целям, и они не только материальные, но, что не менее важно, — духовные и нравственные.

Сегодня многие связывают низкую эффективность решения этих проблем с либеральной составляющей реформ. Можно констатировать, что на смену былой эйфории пришло глубокое разочарование в либеральной идее, более того, появилось сомнение в способности россиян к свободе, дело доходит до утверждения несовместимости России и свободы.

Но, говоря о либерализме, необходимо уяснить, о чем идет речь, в чем смысл либеральных ценностей, ибо зачастую под либерализмом понимают нечто другое, являющееся только частью, элементом подлинного либерализма (либо вообще никакого отношения к нему не имеющего). В результате неправильного понимания сущности и содержания либеральной концепции возникают некоторые проблемы. Во-первых, это непонимание может привести и приводит на практике к попыткам реализации не соответствующих истинному содержанию либерализма принципов и идей.

Кроме того, у россиян слово «либерализм» все чаще ассоциируется с чем-то негативным, чему в немалой степени способствуют средства массовой информации. Анализ прессы позволяет сделать вывод о том, что слово «либерал» стремительно превращается в достаточно обидное ругательство, а «либерализм» прежде всего отождествляется с незрелыми и дикими формами рыночной экономики, т.е. происходит явная подмена понятия либеральной идеи идеей рыночной экономики (которая является лишь частью первой) и, прежде всего, так называемым «периодом первоначального накопления капитала». Такой «либерализм», чтобы предотвратить смысловую путаницу, многие уже назвали «псевдолиберализмом». Учитывая не критичность подавляющего большинства российских граждан к опусам представителей «четвертой власти», можно сделать вывод, что роль либерализма в жизни личности и общества явно недооценивается.

Следует особенно подчеркнуть, что, как правило, в качестве подлинного либерализма признается исключительно его западный образец. При этом как-то упускается из виду наличие в России собственной либе-

ральной традиции, в рамках которой был выработан целый комплекс принципов и идей, не только не утративших своей значимости, но приобретших особую актуальность в свете современных поисков национальной идеи.

Отсюда возникает потребность критического анализа не только самого понятия «либерализм», но, прежде всего, выявления его корней с целью выяснения степени органичности, укорененности либеральных ценностей, в особенности — свободы, в российской культуре.

Подавляющее большинство исследователей, занимающихся данной проблемой, считают русский либерализм определенной разновидностью западного (Н.Н. Железняк, Е.Б. Казбан, В.В. Леонтович, П.П. Медушевский, И.В. Нарский и др.). Данный подход обусловлен традиционным для нашей науки европоцентризмом. Модная ныне теория модернизации принципиальных изменений в данный подход не вносит, так как имеет все ту же европоцентристскую окраску.

Поскольку русский либерализм рассматривается в качестве европейского явления, то, согласно данной точке зрения, совершенно правомерен вывод, сделанный западным исследователем В.В. Леонтовичем, автором фундаментального труда по истории русского либерализма, о том, что «суть либерализма в России была совершенно тождественна с сутью западного либерализма» (История либерализма в России. М., 1995. С. 3). Особенности, которые при этом отмечают исследователи, объясняются, как правило, с точки зрения теории модернизации, согласно которой Россия относится к странам догоняющего развития, в результате чего у нее «иной порядок "сборки" системы либеральных ценностей», и поэтому русский либерализм «рождается сразу по преимуществу в постклассической форме» (В.Ф. Пустарнаков), т.е. в России принципиально иная последовательность смены фаз, типов либерализма. Другие особенности, на которые указывают исследователи, как-то: слабость социальной базы, иная социальная основа, признание активной роли государства, наличие сильного консервативного элемента — также вписываются в рамки данной концепции.

В то же время некоторые авторы, более активно занимающиеся выявлением специфики русского либерализма, рядом своих интересных замечаний относительно отдельных его аспектов по сути поставили под сомнение утверждение о тождественности русского и западного либерализма. Среди них — заключение В. Шамшурина и И. Осипова о нравственной обусловленности права

в представлениях русских либералов; определение либерализма С. Франка как соборного; вывод О. Харусь о преобладании среди сибирских либералов сторонников религиозно-идеалистического мировоззрения; а также схожее замечание А. Бродского об утверждении русским либерализмом метафизической сущности человека; высказанная И. Евлампиевым идея о желании русского либерализма «подправить» западный в смысле трактовки им общественного идеала.

На данное обстоятельство обратил внимание В.В. Шелохаев, который на основании историографического обзора сформулировал тезис о русском либерализме как «особом типе» (что, впрочем, не мешает ему считать, что русский либерализм не был укоренен в отечественной почве). Он же, основываясь на отмечаемых в литературе особенностях русского либерализма и своих предыдущих исследованиях, делает вывод о его особой чувствительности к социальной проблематике, вменяя в заслугу русскому либерализму начала XX в. попытку соединения либерализма и демократии. При этом критерием оценки русского либерализма по-прежнему является его западная форма.

Анализ литературы, посвященной российскому либерализму, дает основание сделать вывод о том, что большинство исследователей данного феномена придерживаются традиционного европоцентризма, рассматривая российский либерализм в качестве разновидности западного. Однако отметим, что рассмотрение российского либерализма только в рамках этого подхода (при всем удобстве сравнительного метода исследования и обилии литературы) не позволило бы в полной мере выявить сущность и специфику российского либерализма и значительно сузило бы исследовательские рамки.

Представляется наиболее адекватным рассмотреть Россию через призму цивилизационного подхода, подвергающего критике линейно-прогрессистскую парадигму общественного развития, в соответствии с которой мир развивается по единым для всех, универсальным законам. В правомерности такого подхода усомнился еще в конце XIX в. отечественный мыслитель Н.Я. Данилевский, который противопоставил идее общечеловеческой цивилизации, в реальности отождествляемой с западной, концепцию множества локальных цивилизаций (культурно-исторических типов), каждая из которых развивается по собственным законам. Эта концепция, преданная забвению современниками мыслителя, переживает сейчас второе рождение.

Более широкую известность получили теории О. Шпенглера и А. Тойнби, которые убедительно развенчали концепцию европоцентризма как ничем не обоснованную претензию Запада на роль «солнца» (Шпенглер), признав главными действующими лицами мировой истории самобытные цивилизации.

Среди наиболее видных современных представителей этой философско-исторической школы следует назвать С. Хантингтона, который считает, что главным фактором будущего мирового развития станет столкновение цивилизаций. Немаловажно, что все названные авторы рассматривают Россию как самостоятельную самобытную цивилизацию.

Для характеристики цивилизационного подхода необходимо выделить ряд постулатов, на которые опираются представители данной философско-исторической школы.

Во-первых, культура имеет определяющее значение в развитии той или иной цивилизации. При этом авторы данного подхода исходят из того, что именно религия задает ценностные основания культуры.

Во-вторых, с точки зрения цивилизационного подхода, такое понятие, как «общечеловеческие ценности», бессодержательно, поскольку они всегда имеют конкретную форму реализации. Иными словами, каждая культура имеет свою систему ценностей, в соответствии с которой одни и те же идеи и понятия приобретают разный смысл, так как каждая культура переводит их на свой язык, давая им собственную интерпретацию. Поэтому необходимо учитывать обусловленность либерализма культурно-историческим контекстом, его «связанность» смыслами, символами, ценностями той культуры, внутри которой он существует, а, следовательно, уникальность любого явления.

В настоящее время для России очень важно не потерять окончательно те духовные ориентиры, без которых немислимо существование уникальной русской культуры. Уникальность эта, в первую очередь, заключается в том, что на территории нашего государства веками бок о бок жили представители разных национальностей и религий. Россия никогда не была национальным государством и никогда не сможет им стать. Однако сегодня национальная проблема в России стоит очень остро. Полиэтничность российского общества во все времена пытались использовать недоброжелатели России, сея самыми разными способами межнациональную и межконфессиональную рознь. Утрата духовного единства российских граждан в постсоветской России привела к обострению межнациональных и межконфессиональных противоречий. Непродуманность государствен-

ных реформ и игнорирование многовекового исторического опыта при осуществлении модернизации российского общества усугубили ситуацию. Национальная политика государства не отвечала насущным требованиям времени.

«Задача модернизации сегодня представляет колоссальную сложность, поскольку в обществе все еще преобладают корпоративность и традиции доминирования русского народа. Между тем становление гражданского общества, утверждение разделения властей и парламентаризма неизбежно поставили в повестку дня вопрос о переходе в многонациональном государстве от общественной системы, основанной на таком доминировании, к демократическому устройству при равноправии всех народов» (Семеникова Л.И. Цивилизации в истории человечества. М., 1994. С. 89).

Данный тезис напоминает печально известную фразу экс-президента страны Б.Н. Ельцина о том, что национальные субъекты могут брать столько суверенитета, «сколько смогут унести». К чему привел «парад суверенитетов», напоминать излишне. Русское население, являясь преобладающим в России, никогда за всю историю страны не использовало своего преимущественного положения для получения узкокорпоративной выгоды для «русских», попытки же принизить значение русской нации могут привести не к сглаживанию, а лишь к углублению противоречий между «русским» и «нерусским» населением. В сложившейся ситуации, на фоне усиления корпоративных связей, объединяющих представителей «нерусских» этнических групп, нельзя не заметить стремления к разобщению собственно русского населения Российской Федерации, попыток его ущемления при формально-юридическом равенстве всех проживающих в России национальностей. Напрашивается вывод: россиянам не хватает национальной (и не только) терпимости. А привить терпимость государственно-административными методами не представляется возможным.

Чтобы понять, как обеспечить бесконфликтное существование в одной стране, необходимо обратиться к истории и найти тот духовный стержень, который на протяжении веков обеспечивал взаимное уважение и равноправие россиян. Жителей многонациональной России всегда объединяло что-то иррациональное, никак не связанное с этноантропологическими особенностями. Православный идеал, которому был привержен численно преобладающий русский народ, терпимость к иным народам и религиям были цементирующими началами в государственном единении народов.

Представляется, что и сегодня Российское государство должно быть ориентиро-

вано на духовные ценности идеологии русского населения, которые исторически играли социально-объединительную роль. Русским на Руси считался, прежде всего, человек православный, независимо от того, к какой этнической группе он принадлежит. Но, сплачивая русский народ, Православие обязывало с уважением относиться и к народам, исповедующим иные религии. Кроме того, Православие по своей сути для российской цивилизации несет в себе систему ценностей, во многом схожую (но во многом и отличную) с либеральными идеями Запада.

Представление о личности, ее уникальности и неповторимости зашифровано в важнейшем христианском догмате — догмате о Троице, согласно которому Бог един и в то же самое время троичен, т.е. обладает единой природой (сущностью) и одновременно тремя ипостасями (личностями), благодаря которым и происходит конкретное осуществление этой природы в бытии.

Триипостасность, или троичность, не означает того, что Божественная сущность состоит из трех частей — ипостасей. Божественные Лица или ипостаси не есть носители отдельного кусочка Божественной природы, но каждая из них воплощает в себе всю ее полноту, заключая целое в себе: и Отец — Бог, и Сын — Бог, и Святой Дух — Бог. Итак, личность — это целое, т.е. христианская мысль радикально переосмыслила понятие ипостаси (личности), которое раньше понималось как отличие одного предмета от другого (индивидуальность). Иными словами, личность отнюдь не исчерпывается таким понятием, как индивидуальность.

При этом важно отметить, что ипостаси, или личности, являются одновременно и неразделимыми, и нераздельными, т.е., воплощая в себе общую природу, будучи единичными, они не тождественны друг другу, обладают самостоятельностью и реально различаются между собой: Отец, Сын и Святой Дух. Но установить различие между ними можно, только соотнеся их друг с другом, определив их взаимоотношения, так как одна ипостась не существует без другой и может быть охарактеризована только через ссылку на другую: Отец — не рожден, Сын — рожден и Святой Дух исходит. Итак, личность — это «бытие в общении» (Х. Яннарас). Поэтому определить, в чем состоит уникальность той или иной личности, ее «инаковость», можно только при непосредственном общении, встретившись лицом к лицу с другим бытием.

На наш взгляд, именно православие сохранило и развило открытое христианством представление об уникальности человеческой личности, подорванное западным хри-

стианством. Путем внесения «поправки» в троичный догмат католичество стало трактовать вопрос об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына, в результате чего Святой Дух превратился в связь между Отцом и Сыном, утратив свою самостоятельность, а Отец и Сын смешались между собой, будучи общим началом для Святого Духа. Таким образом, в западном христианстве наблюдается явная тенденция «обезличивания» ипостасей.

Именно образ Божественной Троицы является выражением идеи соборности, ипостаси которой одновременно и неслиянны, и нераздельны как нераздельны и неслиянны личности в соборном единстве: они неслиянны, так как каждая личность уникальна, они нераздельны, ибо их соединяет духовное родство, не знающее преград.

Вопреки распространенному представлению о том, что «кредо» православного мирозерцания составляло «сознание человеческой ущербности, малости» (А. Замалева), на основании анализа святоотеческой литературы можно прийти к диаметрально противоположному выводу.

С нашей точки зрения, мысль об уникальности и неповторимости каждой личности, а отсюда — ее абсолютной ценности, наиболее отчетливо звучит в православии, избравшем путь апофатизма, в отличие от западного христианства, пошедшего по пути катафатизма — поиска объективных определений, способных выразить сущность Бога.

Действительно, если человек создан по образу и подобию Бога, сущность которого непознаваема, следовательно, и сущность каждой человеческой личности также непостижима, а значит — уникальна. И поэтому к другому должно относиться не только с уважением, но и с благоговением, ибо, согласно православию, все являются Божьими избранными, здесь нет деления на проклятых и избранных, как в протестантизме.

Но личность — это не данность, а заданность, и в этом состоит смысл Спасения: в обретении человеком своего подлинного Я, а, следовательно, и свободы путем восстановления связи со своим Первообразом. Для того, чтобы стать сопричастным Богу, т.е. Целому, человек должен привести себя в состояние гармонии, обрести целостность внутри себя. А для этого ему предстоит пройти долгий и многотрудный путь самосозидания, преодоления своей эмпирической природы посредством ее преображения, что в православии называется «внутренним деланием».

Но путь Спасения человека, а через него всего мира, не происходит автоматически. Православной философии истории в высшей степени чужд детерминизм. Именно учение

о синергии, т.е. согласованном действии, «сотрудничестве» Божественной и человеческой энергий, отвергаемое западным богословием, есть наилучшее тому подтверждение. Царство Божие придет по воле Божией, но для этого нужно устремление к нему всех людей, православие исходит из свободно сознательных усилий человека, только свободный человек может войти в царство Божие, и спасение — это, прежде всего, акт свободы. Святые Отцы восточной церкви постоянно подчеркивали то обстоятельство, что Божественная благодать может войти в человека только тогда, когда «желанием своим он откроет ей вход в себя», в то время как в представлении западной церкви действие благодати на человека механическое.

Таким образом, православие, в отличие от западного христианства, не утратило целостного восприятия мира. Согласно православию, человек — это микрокосм, в себе самом содержащий весь мир. Отсюда отношение к миру не как к чему-то чуждому, внешнему — объекту, а как к тому, что является продолжением тебя. Источник же единства мира — Бог, а Бог в православной трактовке есть любовь. Таким образом, единство мира крепится любовью — живой внутренней связью, которая «объемлет собой все и вся», т.е. любовь — категория онтологического порядка, норма бытия. Идея соборности, где гармонизирующим началом является именно любовь, отнюдь не случайно возникла на русской почве.

Современные исследователи российского либерализма часто приходят к выводу, что для него характерны такие черты, как приоритет общественного интереса над интересами личности в вопросах организации государственного управления и идеал сильной централизованной власти. Для того, чтобы проанализировать эти особенности, весьма непривлекательные с точки зрения идей классического либерализма, необходимо вновь обратиться к истории и найти корни этих явлений.

Идея «единства в многообразии», так ярко выраженная в православии, нашла свое воплощение в разных сферах жизни в России, при этом являясь основой национального бытия русского народа. Идея единства всего сущего, гармонии была характерной чертой и мировосприятия славян, которые в языческую эпоху воспринимали себя органической частью природы, тысячами нитей связанной с ней.

Свое четкое проявление идея единства обнаружила и в сфере властных отношений, в таком самобытном явлении русской жизни, как «одиначество власти» — давней русской традиции, согласно которой между

такими элементами власти, как вече, совет при князе и князь во времена Киевской Руси, а также Боярской думой и царем, позднее — земским собором в московский период русской истории, отсутствовала конкурентная борьба, ибо они были нераздельными частями единой верховной власти. Поэтому решения выработывались совместными усилиями всех на вече, впоследствии — на земском соборе. Весьма показателен также порядок принятия решений, в свою очередь, восходящий к церковным соборам. Принцип большинства здесь не действовал, поскольку считалось, что решение должно быть результатом согласования позиций всех присутствующих.

Единство власти в центре сочеталось с широким местным самоуправлением, имеющим на Руси давнюю традицию. «Первообразом» же нашего самоуправления, институтом самоорганизации общества, как известно, явилась община, дожившая в России вплоть до XX в. Вопреки расхожим представлениям, русская община не препятствовала развитию народной инициативы и предприимчивости, предоставляя достаточный простор для хозяйственной самостоятельности отдельных членов и в то же время выступая в роли социального гаранта, на которого каждый мог рассчитывать в кризисные моменты своей жизни.

Идея единства как гармонии, согласования частей, составляющих целое, органична для русской жизни. При этом она не только не исключает многообразия, инаковости, самостоятельности, но с неизбежностью их предполагает.

Таким образом, можно говорить о том, что традиционно для российского мировоззрения не характерно жесткое противопоставление личности и общества. Вообще вопрос соотношения личного и общественного, на наш взгляд, имеет фундаментальное значение для понимания всего комплекса социальных проблем. Вопрос о механизмах их взаимодействия в течение всей истории человечества неизменно привлекал авторов всех когда-либо существовавших социальных доктрин. Особенно эта проблема актуальна для современного российского обще-

ства, культура которого подвергается интенсивному воздействию западных идеалов.

Большую роль в разрушении сложившихся традиций, утрате современным российским обществом традиционных духовных ориентиров сыграло, на наш взгляд, именно неадекватное понимание вопроса о соотношении индивидуального и коллективного, воспринимаемое от западных либеральных учений.

Утрата фундаментальных ценностей русской культуры и искаженное понимание западного либерализма вызвали непредсказуемые последствия, прежде всего — в сознании россиян. Идея единства в многообразии под влиянием официальной марксистской доктрины в начале XX в. полностью лишилась индивидуалистического начала. А после распада СССР сознание россиян захлестнул неправильно понятый индивидуализм, проявляющий себя в крайне нецивилизованных эгоцентричных формах. Результатом такого ментального мутагенеза стала социальная дисгармония, жертвой которой стал в первую очередь человек. С одной стороны, общество зачастую игнорирует интересы отдельных лиц, считая интересы большинства высшей ценностью и даже не пытаясь при этом найти хоть какой-нибудь компромисс. С другой стороны, отдельные индивиды при достижении своих целей пренебрегают правами и законными интересами своих сограждан. Кроме того, заметны крайности индивидуализма в идеологической сфере: плюрализм хоть и предполагает многообразие мировоззрений, но это многообразие напоминает пауков в банке — налицо взаимная крайняя нетерпимость к идеологическим оппонентам. Со стороны общества сохраняется негативное отношение к людям с «нестандартным» мышлением, поведением, внешним видом или образом жизни. Но все же стоит отметить, что с течением времени российские граждане становятся терпимее друг к другу, постепенно привыкая к адаптирующимся на российской почве западным институтам и ценностям, при этом сердцем стремясь вернуть не до конца потерянную еще Гармонию.

